

www.volsu.ru

К 30-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ОТКРЫТИЯ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ФИЛОСОФИЯ» В ВОЛГОГРАДСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.1>

UDC 101.1
LBC 87

Submitted: 18.07.2023
Accepted: 16.11.2023

“LOVE PHILOSOPHY IN YOURSELF, BUT NOT YOURSELF IN PHILOSOPHY”: INTERVIEW WITH OMELCHENKO NIKOLAI VIKTOROVICH

Nikolai V. Omelchenko

Volgograd, Russian Federation

Lyubov S. Solovieva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The conversation with N.V. Omelchenko – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (2006), Fulbright Scholar-in-Residence (Mansfield University, Mansfield, PA, USA, 2001–2002 academic year), awarded the Volgograd State University Medal of Merit (2012) – took place in February 2023. This interview marked the beginning of a series of events dedicated to the thirtieth anniversary of the opening of the specialty ‘Philosophy’ at Volgograd State University. The first reception of future philosophers was held in 1994. N.V. Omelchenko told about the circumstances of the opening of the specialty ‘Philosophy’ at Volgograd State University, about the idea, organization, and development of the international conference “The Human Being in Contemporary Philosophical Conceptions,” and about the purpose of the educational project “Philosophical School ‘Logos’.” Omelchenko associates his introduction to philosophy with N.G. Chernyshevsky, whose work *Aesthetic Relations of Art to Reality* impressed him back in his school years. Dr. Omelchenko defends the thesis that every person is a philosopher. He also considers philosophical therapy as a perspective trend in contemporary philosophy.

Key words: N.V. Omelchenko, interview, philosophical reflection, philosophical questions, human being.

Citation. Omelchenko N.V., Solovieva L.S. “Love Philosophy in Yourself, but Not Yourself in Philosophy”: Interview with Omelchenko Nikolai Viktorovich. *Logos et Praxis*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 6-16. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.1>

УДК 101.1
ББК 87

Дата поступления статьи: 18.07.2023
Дата принятия статьи: 16.11.2023

«ЛЮБИТЕ ФИЛОСОФИЮ В СЕБЕ, А НЕ СЕБЯ В ФИЛОСОФИИ»: ИНТЕРВЬЮ С ОМЕЛЬЧЕНКО НИКОЛАЕМ ВИКТОРОВИЧЕМ

Николай Викторович Омельченко

г. Волгоград, Российская Федерация

Любовь Сергеевна Соловьева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Беседа с Николаем Викторовичем Омельченко – доктором философских наук, профессором, Почетным работником высшего профессионального образования РФ (2006), фелбрайтовским стипендиатом (Mansfield University, PA, USA, 2001–2002), обладателем медали ВолГУ «За заслуги» (2012) – состоялась в феврале 2023 года. Это интервью положило начало циклу мероприятий, приуроченных к тридцатилетнему юбилею открытия специальности «Философия» в Волгоградском государственном университете. Первый прием будущих философов в ВолГУ прошел в 1994 году. Н.В. Омельченко рассказывает об обстоятельствах открытия специальности «Философия» в ВолГУ, замысле и организации Международной научной конференции «Человек в современных философских концепциях», целях просветительского проекта «Философская школа “Логос”». Свое приобщение к философии Н.В. Омельченко связывает с Н.Г. Чернышевским, чья работа «Эстетические отношения искусства к действительности» произвела на него впечатление еще в школьные годы. Николай Викторович защищает тезис о том, что каждый человек есть философ. Отдельно рассматривается тема философской терапии как перспективного направления в развитии современной философии.

Ключевые слова: Н.В. Омельченко, интервью, философская рефлексия, философские вопросы, человек.

Цитирование. Омельченко Н. В., Соловьева Л. С. «Любите философию в себе, а не себя в философии»: интервью с Омельченко Николаем Викторовичем // *Logos et Praxis*. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 6–16. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.1>

Любовь Сергеевна Соловьева:
Здравствуйте, Николай Викторович! Я очень рада возможности побеседовать с Вами. Спасибо, что нашли для этого время. Сегодня 2 февраля – день победы в Сталинградской битве – значимый день и в истории нашего города, и страны в целом. Позвольте поздравить и Вас с этим праздником.

Николай Викторович Омельченко:
У меня с днем победы под Сталинградом 2 февраля связано еще одно историческое событие. 2 февраля 2007 г. к нам в деканат принесли письмо из ЮНЕСКО. Мы сидели со студентами, занимались подготовкой к конференции, которая назначена была на май 2007 г., и ждали решения ЮНЕСКО, поскольку письмо с просьбой дать нам патронаж было им отправлено в предыдущем году, осенью. Получилось так, что это письмо пришло именно 2 февраля. И я, когда его открыл и посмотрел, что Генеральный директор ЮНЕСКО нас поздравляет и желает нам успехов в проведении конференции, и все ребята, которые были – все обомлели: «Неужели это случилось!» Все ждали этого решения, и оно случилось.

Я до сих пор благодарен директору Койхиро Мацуура. У него были хорошие слова, я их процитирую: «Позвольте мне поздравить вас с этой важной инициативой, направленной на стимулирование философской рефлексии, что является одним из приоритетных направ-

лений ЮНЕСКО в общей стратегии развития философии». Это заставило меня подумать, почему же так хорошо все произошло? Мне показалось тогда, что поддержка нашей конференции от имени ЮНЕСКО была связана со многими обстоятельствами, в частности с тем, что уже не было Советского Союза, была Россия – и в этой стране уже не было марксистского догматизма. Было такое ощущение, будто и мы сами, и ЮНЕСКО понимали, что мыслить самостоятельно – это прекрасно. Мне кажется, одно из достоинств современной России – это возможность мыслить самостоятельно. И наша конференция «Человек в современных философских концепциях» находилась в русле этого нового явления, когда люди могут думать самостоятельно; я могу думать так, как я хочу. Здесь появляется у человека какое-то оптимистическое настроение, во-первых, внутренняя радость, что он может сам думать, а во-вторых, уверенность и надежда, что он когда-то получит тот результат, которого хочет. Если даже спустя некоторое время он получит не тот результат, он снова будет искать новый, который его устраивает.

Мне кажется, одно из достоинств нашей конференции и одна из основных ее идей – это попытка пригласить людей самых различных философских направлений подумать над темой «Человек». Сама по себе эта идея кон-

ференции родилась после защиты моей докторской диссертации, которая была посвящена философской антропологии и называлась «Первые принципы философской антропологии». Защитившись в июне 1997 г., я решил, что теперь, в меру своих сил и возможностей, я могу дальше развивать философскую антропологию. Но не один, а привлекая людей, приглашая их делать это вместе.

Это совместное творчество, мне кажется, и было достоинством конференции «Человек в современных философских концепциях». Когда в 1998 г. мы организовали первую конференцию, то предполагалось, что сам университет станет своеобразным центром притяжения – притяжения различных философских направлений, школ, идей для обсуждения темы человека. Тем самым в этой конференции, независимо от ее масштаба, самым важным было то, что люди собирались помыслить тему «Человек». Это уникальный опыт, когда из разных концов России, из разных стран к нам приезжали для того, чтобы подумать над темой «Человек». И наш университет, и наш факультет рассматривались мною прежде всего как центр притяжения. Мы создавали соответствующую благожелательную обстановку для того, чтобы люди спокойно рассуждали, чувствовали себя комфортно, находились в дружеской атмосфере.

Любопытная деталь, Любовь Сергеевна, у нас не было цензуры. Это очень странная вещь для меня самого, поскольку все тексты, которые поступали на конференцию, я сам лично редактировал. Это была колоссальная работа. Только один текст мы отклонили, посоветовавшись с коллегами, поскольку этот текст был чрезвычайно «сырой», соединен из каких-то разрозненных фрагментов так, что было непонятно, о чем автор хочет сказать. Что касается остальных текстов, можно было предполагать, что будет какая-то человеконенавистническая идеология, что появятся люди, которые будут говорить не в пользу человека, а против человека, но у нас не было такого случая, чтобы мы встретились с отрицательным отношением к человеку. Наоборот, была какая-то позитивная настроенность на осмысление темы человека. Это деталь, которую я, честно говоря, до сих пор не могу объяснить: почему люди собирались для того,

чтобы высказать какую-то позитивную идею о человеке, а не наоборот, не сказать плохо о нем, не сказать, что он выродок, что он должен закончиться и т. д. Это чрезвычайно интересная вещь. Мне было интересно, что люди в основном мечтают о процветании человека. Это основной вывод из всех наших четырех конференций.

Мне понравились слова Генерального директора ЮНЕСКО о философской рефлексии. Если вдуматься, то люди приезжают на конференцию для того, чтобы высказаться, чтобы их послушали, чтобы услышать отклик на свои идеи. Все наши дискуссии проходили в дружеской атмосфере. Если наши студенты или преподаватели были не согласны с какой-то высказанной идеей, они обсуждали это. Иногда им не нравились выступающие, но это был некий новый импульс для мышления наших студентов. Возможно, Вы помните, что на всех конференциях присутствовал определенный настрой, энтузиазм. Все как будто чувствовали, что происходит что-то необыкновенное. Но точно так же чувствовали себя и все, кто к нам приезжал! Вот в чем дело.

Я был удивлен, когда профессор из Германии, поклонник Макса Шелера, выступив с докладом на пленарном заседании, захотел *сам* встретиться с нашими студентами. Я помню, что он был необыкновенно рад, что такую возможность ему предоставили. Получилось так, что в то время в Германии не очень удачно отметили юбилей Макса Шелера, а мы отметили. И для него это было фантастикой. В России отмечают юбилей Макса Шелера, а в Германии не очень. Он был очень удивлен и попросил меня организовать встречу со студентами.

Я начал рассказывать об этой конференции, потому что сегодня – 2 февраля. А 2 февраля 2007 г. была еще одна победа – мы получили письмо от Генерального директора ЮНЕСКО с поддержкой нашей конференции. Это было необыкновенное счастье, мы были в таком восторге, что трудно передать. Но это случилось. Это сделали мы, во славу университета, во славу факультета, во славу России. Представьте, в Волгоградском университете – патронаж ЮНЕСКО. Вы когда-нибудь еще где-нибудь видели, в каком университете был такой патронаж?

Я расскажу такую вещь. Все академические институты в России знали, что мы сделали такую конференцию. Когда я приехал на очередную встречу в СПбГУ на философский факультет, его декан, Юрий Никифорович Солонин спрашивал у меня, как удалось это сделать. Конечно, я рассказал, это не секрет. Было очень много организационной работы. И потом мы излагали все ее результаты, например, в «Вестнике Российского философского общества»¹.

Когда я говорю, что наш философский факультет имел международное признание, я, в частности, имею в виду и этот феномен. К нам приезжало множество гостей из-за рубежа, у которых оставалось приятное впечатление о нашей конференции. Конечно, было много работы, но позвольте заметить, Любовь Сергеевна, всем же было интересно.

Л.С.: Да, Николай Викторович, я это хорошо помню. Мне посчастливилось дважды принимать участие в этих конференциях, в том числе в четвертой, проводимой под эгидой ЮНЕСКО. Я согласна с Вами, что была совершенно необычная, по-своему волшебная атмосфера.

Н.О.: Это, конечно, было историческое событие, Поэтому я 2 февраля отмечаю две даты – победу в Сталинградской битве и победу нашего факультета, когда мы сделали большое-большое дело.

Л.С.: Николай Викторович, а когда Вы задумывали, замысливали эту конференцию, Вы ожидали такого эффекта? Или изначально планировались более скромные масштабы?

Н.О.: У меня была одна идея – приглашать коллег обсуждать тему «Человек», поскольку для меня она является генеральной, основной для моих научных занятий. Это было на факультете, поскольку я хотел, чтобы факультет был привлекательным по многим параметрам, в том числе и с точки зрения обсуждения каких-то важнейших проблем. Кто скажет, что тема человека не важнейшая? Все будут согласны а priori.

Что касается результатов: наши конференции набирали оборот автономно, появилась уже какая-то инерция. На первой конференции никто еще не верил, что может кто-то приехать из-за рубежа. Приехали. Были два человека – один из Финляндии, другой из Гер-

мании. На следующей конференции было уже больше, на третьей еще больше. Ну а на четвертой – аншлаг, если так можно выразиться. Там был сбор очень многих ученых из разных стран. Если посмотреть наш отчет в «Вестнике Российского философского общества» за 2007 г. № 3, то будет понятно, какие мы получили результаты.

Эта конференция получила продолжение, мы в нашем издательстве отпечатали четыре тома материалов конференции. Такого раньше не было. Потом мы получили из Англии предложение опубликовать избранные материалы. И в январе 2009 г. появилась книга «The Human Being in Contemporary Philosophical Conceptions»². Затем пришло предложение от Библиотеки Конгресса США о том, чтобы мы по почте прислали материалы этой конференции. Мы отправили четыре тома в Библиотеку Конгресса США.

Я, конечно, не ожидал, что мы получим такой грандиозный успех. Но когда мы провели три конференции, уже был опыт, и мы почувствовали, что имеем возможность и потенциал для проведения следующей конференции. Тогда и появилась идея сделать конференцию под эгидой ЮНЕСКО.

Л.С.: Николай Викторович, насколько мне известно, большая часть Вашей жизни связана с философией: философский факультет МГУ, кандидатская и докторская диссертации по философским наукам. А можете ли Вы сказать, чем вообще является для Вас философия. Что для Вас философия?

Н.О.: Вы знаете, это может показаться странным, но еще в школе, где-то в 7-м или 8-м классе я наткнулся на книжку Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности». Это его магистерская диссертация. Это было первое знакомство, и, может быть, после этого я заинтересовался, например, таким вопросом «что такое цвет?». Тогда я не знал, что вопросы «что такое цвет?», «что такое дом?», «что такое стол?», «что такое звезда?», «что такое мир?», «что такое человек?» – это самые глубокие философские вопросы. В литературе это называется «чтойность» предмета. Чтойность означает сущность предмета. Слово «чтойность» есть в английском и в немецком языках. Может быть, для русского языка это не совсем удачное сло-

во, но оно, по крайней мере, произносимо. За этим термином скрывается сущность. У Гегеля есть такое выражение, что задача, цель философии – познание сущности предметов. Я разделяю такой подход и полагаю, что назначение философии – это познание сущности предметов. Если давать определение, то можно сказать, что философия – это наука о сущности бытия, или о чтойности предметов.

Отсюда вытекают очень интересные выводы. Например, если я говорю, что философия – это наука о чтойности предметов, то первое замечание, которое можно сделать, будет следующим: я могу спросить, что такое стол и что такое цвет, но и любой другой человек также спрашивает, что такое цвет, что такое жизнь, что такое человек. Отсюда я делаю вывод: каждый человек мыслит сущность предметов, каждый человек есть философ. Мой аргумент в пользу того, что каждый человек есть потенциально философ заключается в следующем: мы, люди, можем задавать вопрос «что такое стол? цвет?», то есть мы способны задавать вопрос о сущности предметов, о сущности бытия. Это и есть философский вопрос, самый фундаментальный.

Не все согласны с моим определением, что каждый человек – философ. Недавно я прочитал у Гегеля фразу о том, что человек как мыслящее существо – прирожденный метафизик.

Л.С.: Каждый человек – философ, почему?

Н.О.: Да. У Гегеля аргумент простой: человек мыслит, следовательно, он – прирожденный метафизик. Об этом можно прочитать в «Энциклопедии философских наук», том 1.

Получается, в этом понимании мы с Гегелем единомышленны. Только немного аргументация другая. Он говорит о том, что каждый человек мыслит, а мышление приближает к философии, к метафизике, а я говорю о том, каждый человек мыслит, но не всегда он метафизик. Только когда задает вопрос «что есть то-то?». Вопрос о чтойности – вопрос о сущности. Таким образом, я становлюсь философом, когда задаю этот вопрос.

Разумеется, не все каждую минуту задают этот вопрос, не всем же нужно каждую минуту быть философами. Я говорю о том, что каждый человек внутри себя, выражаясь словами Гегеля, «прирожденный метафизик».

Множество аргументов в пользу этой логики появилось сегодня. Позвольте продолжить отвечать на Ваш вопрос о том, что такое философия и чем она является для меня, исходя из посылки о чтойности предметов. Если я рассуждаю в этом ключе, то получается, что сама по себе философия оказывается привлекательной для многих. Аргумент такой: начиная с 80-х гг. прошлого столетия, появилось движение под названием «философская практика». Это примерно то, чем занимается профессор А.И. Макаров и его группа. Движение философской практики получило распространение в России. Коллеги, которые этим занимаются, вывели философию из академических институтов, образно говоря, на площадь, на улицу. Приблизили ее к любому человеку.

Например, философские кафе. Там могут собираться люди по настроению. Я могу пойти в музыкальное кафе, послушать музыку, а могу поговорить с людьми о чем-либо. При этом не обязательно я должен обсуждать чтойность, я могу говорить о чем угодно, но, спустя некоторое время, моя мысль может приблизиться к этому вопросу о чтойности. Получается, я могу двигаться в сторону философии разными путями. Если один увидел в школе книжку Чернышевского, а другой уже в зрелые годы услышал какие-то слова в философском кафе, то это нормально, потому что мы можем двигаться к философии разными путями. И она будет присутствовать в нас по-своему.

В этой связи мне нравится выражение, что небольшое открытие, которое мы совершаем, в том числе благодаря нашему философскому размышлению, или, другими словами, философской рефлексии, приводит нас к тихой радости. У нас в голове, в душе что-то случается. По моему определению, то, что случается, когда я делаю небольшое открытие для себя, – тихая радость. Этой тихой радостью человек не может насытиться. Он мечтает о том, чтобы еще раз приблизиться и испытать «тихую радость», радость своего духа оттого, что он смог решить что-то для себя. Эта ситуация, мне кажется, привлекательна для любого человека, если он обращается к философии.

Есть еще один момент, о котором мне пришлось говорить в одной из моих работ.

В 1999 г. проходил Второй Российский философский конгресс в Екатеринбурге. Я отослал туда свои тезисы под названием «Философия как терапия». Неожиданно для меня философия открылась с этой стороны. Почему я так подумал и думаю сейчас и разделяю движение философской практики? На Западе канадский философ Лу Маринофф (Lou Marinoff) опубликовал книгу под названием «Plato, Not Prozac!» (1999), которое можно перевести и так: «Платон лучше антидепрессанта Прозак». Я читал эту книгу, она тоже о философской терапии. Это было для меня интересно, как для человека, который вдруг узнает, что эту же идею на другом конце земного шара высказал другой человек. Я высказал это, сидя в Волгограде, он это высказал, находясь в Канаде. У него толстая книжка, у меня маленькие тезисы, но идея одна.

Философия многогранна. Она есть наука о сущности, о чуждости предметов. Другой вариант понимания связан с философско-терапевтическим эффектом. Но иногда могут сказать, что любой разговор утомляет, если он длится больше положенного срока. Если он ни о чем, то, действительно, пустые разговоры утомляют. В таком случае человек выходит опустошенным, ощущая пустоту внутри себя. Такие разговоры, конечно, не могут считаться философскими. Терапия связана именно с сущностным компонентом человеческого мышления.

Моя логика определения философии как терапии отличается от той, которая встречается в рамках упомянутого движения. Моя логика состоит в следующем: если наше мышление мыслит сущность какого-то предмета, благодаря этому оно себя усиливает, потому что оно видит истину. Для любого человека познание истины – это укрепление самого себя. Если вспомнить Библию: истина сделает вас свободными. Это правда. Истина делает нас более свободными, но она делает нас и более сильными, более прозорливыми, более понимающими. Возможно, какая-то истина нас огорчает, потому что она не согласуется с нашими бывшими представлениями. Это не важно. Главное, что я могу от этой истины перейти к другому, более адекватному представлению о мире. Мне кажется, что для приобретения терапевтического

эффекта мышление должно мыслить сущность предмета. Получается, мысля сущность предметов, я беру от них какую-то дополнительную силу, поскольку, как я уже говорил, случается «тихая радость» оттого, что я что-то узнаю. Тихая радость делает человека чуточку сильнее: ведь это сделал я, значит, я могу, значит, я еще что-то могу. Такое настроение всегда нужно поддерживать в человеке. Ты обязательно можешь, потому что ты человек и в тебе есть сущностное мышление. Только ты поверь в себя.

Когда мы говорим, что в философии имеется терапевтический момент, можем вспомнить Сенеку, Эпикура, которые говорили, что, если ты хочешь врачевать свою душу, обращайся к философии. Иначе говоря, в истории философии нет недостатка в поддержке этой идеи. В этом и ценность философского знания, которое, помимо отвлеченного рассуждения о постижении сущности предметов, помогает человеку выживать в какой-то экстремальной, необычной или тупиковой ситуации.

Еще один пример в пользу того, что философия есть терапия и что она занимается сущностным поиском: смысл жизни. Философия занимается изучением сущности предметов, но человек тоже имеет свою сущность. Если мы узнаем свою сущность, то мы можем узнать смысл своей жизни. Получается, самопознание, ориентированное на познание своей сущности, продвигает наше представление не только о самом себе, но и о смысле собственной жизни.

Здесь я должен сделать неожиданный поворот: в каждом человеке светится божественная сущность. Представьте, мы узнали эту божественную сущность. Развивая собственную сущность, получается, я работаю с Богом и для Бога, я исполняю божественный замысел.

Складывается такая картина: мои персональные действия связаны с космическим (божественным) замыслом; я себя соединяю с космосом (Богом). Таким образом, чем занимается философия? Она человека из какого-то замкнутого пространства трансцендирует в безбрежное космическое пространство к космической сущности, или божественной сущности, если вы предпочитаете религиозную терминологию. Философия помогает увидеть и

услышать божественный замысел, который есть в человеке. Выражаясь словами Сократа, мы услышим свой даймоний, божественный даймоний. Философия приближает нас к нему, потому что философия – это сущностное мышление. Мы можем апеллировать к этому, общаясь либо в философском кафе, либо в студенческой аудитории, либо в разговоре с самим собой.

Таким образом, отвечая на вопрос, чем же философия является для меня, выделю сущностный компонент прежде всего. От него уже исходят выводы, позволяющие дополнить представление о философии и сделать его объемным. Это объемное представление не туманит философское знание, а, наоборот, проясняет.

Л.С.: В связи с Вашими словами вспоминается также тезис о том, что философия есть искусство вопрошания.

Николай Викторович, в начале нашего разговора Вы вспоминали свою докторскую диссертацию, которая была защищена в 1997 году. Расскажите, пожалуйста, чему она была посвящена.

Н.О.: Получилось так, что я защищал диссертацию в день своего рождения. Защита прошла успешно, и потому я рассматриваю защиту докторской диссертации как второй день моего рождения. Это было на философском факультете Санкт-Петербургского университета. К тому времени я без научного консультанта подготовил диссертацию под названием «Первые принципы философской антропологии».

Почему я поехал в Петербург? В 1997 г. только там была открыта специальность «философская антропология», в России больше нигде не было.

Л.С.: То есть это была одна из первых диссертаций по философской антропологии вообще в России?

Н.О.: Да, моя диссертация была второй. Первым был коллега из Петербурга. Тогда эта специальность называлась «философская антропология и философия культуры», потом добавлялись и убирались другие различные определения.

Тема человека интересовала меня со студенческих лет. В советской философской литературе не было философской антропологии,

но была проблема человека, была тема человека. И вдруг появляется новое направление. Естественно, мне захотелось поехать в Петербург и представить свою диссертацию.

Логика моей работы была следующей. Для того чтобы изучать любой предмет, мы должны стать на определенную точку зрения. Например, фотограф фотографирует с определенного ракурса, выбирает ту позицию, которая наиболее удачно передаст лица участников его будущей фотографии. Любой исследователь исходит из определенных предпосылок. Например, один говорит, что человек – ветошь, грязь; или, по Ницше, человек – это мост, его нужно преодолеть; или человек – от Бога. В общем, можно по-разному говорить. В итоге, когда мы посмотрим на само понятие «человек», оно рождается исходя из различных фотографических позиций. У меня была задача найти ту позицию, которую я бы хотел принять и из нее исходить для исследования и понимания человека. Потому работа и называется «Первые принципы...», то есть исходные принципы для понимания человека.

Многие тезисы являлись новыми и до сих пор не всегда разделяются философским сообществом. Например, тезис, который может казаться странным: я, как Джордано Бруно, исхожу из множества разумных миров, считая человека одним из бесконечного множества разумных существ в мире. Тут возникает вопрос: а уверен ли я в этом? Да, я уверен в этом. Я привожу аргументы в пользу бесконечного множества миров. И один из моих тезисов звучит парадоксально: мироздание, бесконечный космос рождает разумные цивилизации в бесконечном количестве для того, чтобы... не умереть. Для того чтобы космос существовал, ему нужен свидетель, свидетель, который говорит: «Космос есть!»

Получается парадокс: для существования космоса нужен свидетель, но этот свидетель существует всегда. У физиков, космологов есть «антропный принцип». Он говорит о том, что человек появляется на определенной ступени. Да, но помимо человека всегда присутствует какой-то наблюдатель. В качестве гипотезы допустим, что это так. Что получится? Получится, что мы можем умереть каждую секунду. Я имею в виду, что человечество может умереть. Оптимистической

программы для человека нет. Потому что, если оно погибнет, свидетелями будут другие разумные миры. Но у человека есть разум и потому есть оптимистическое настроение – мы можем выжить, нам достанет разума не уничтожить самих себя на этой планете.

У нас нет предопределенности. Первая позиция – нас ожидает Армагеддон, вторая позиция – все будет нормально. Я хочу сказать, у нас нет этого, исходя из множества миров. Множество миров предполагает, что, если человек существует на этой земле, он может закончить по-разному. Как выразился один писатель: и как негодяй, и как святой. Так может закончить свой земной путь любой человек и все человечество. У него нет предопределенной программы развития. Получается, каждую минуту человек должен задумываться над тем, чтоб себя не истребить.

Если полагать, что человек единственен, это значит, как говорил Сартр, он случаен. Тогда отношение к человеку будет другим.

Моя позиция: к человеку нужно бережно относиться, чтобы он раньше времени не загиб от своей бестолковой самоуверенности. Например, сегодня все говорят об экологии. Так нужно что-то делать, искать выходы.

Другой тезис связан с концепцией Альбера Камю. Человек находится в абсурде. Абсурд – норма бытия. Человек сам ничего не может. Абсурд изменить нельзя. Моя критика такова: для того чтобы изменить ситуацию абсурда, нужны другие исходные предпосылки, нежели у Альбера Камю. Камю дает неверные исходные предпосылки; поменяйте в своей голове установки, и будет все по-другому, абсурд уже не будет вечным – ему можно противостоять.

Иначе говоря, моя диссертация была посвящена поиску исходных предпосылок, которые позволяют дать адекватное знание о человеке. Это мой подход, с ним можно дискутировать. Я потому и хотел приглашать на конференцию разных авторов, чтобы услышать других, которые говорят о человеке, исходя из других позиций. Альтернативное мнение является ценным как возможный источник будущей истины.

Л.С.: Спасибо. Вы сегодня вспоминали имена очень разных философов. Николай Викторович, а любимые философы у Вас есть?

Н.О.: Есть очень много интересных авторов, которые привлекательны по разным основаниям, по глубине мысли, по легкости литературного стиля, или, наоборот, по сложности стиля. Гегель, например, великолепен в своем сложном стиле, но великолепен и в пояснениях. Мне нравится одна из основных идей Гегеля, что любой предмет внутренне противоречив.

Я уже упоминал Чернышевского. С ним я познакомился еще молодым человеком, когда узнал, что такое философия.

Некий ориентир, образец, примеры способа размышления о мире – это Джордано Бруно, Альбер Камю, Макс Шелер. О последнем особый разговор. Получилось так, что к тому времени, когда я начал писать докторскую диссертацию, появились первые переводы зарубежной философии. Среди них был Макс Шелер. Когда я почитал его, я понял, что мы братья по духу. Получилось так, что мои представления о мире в других терминах совпадают с ним. Не со всем я согласен, но «Положение человека в Космосе» произвело на меня впечатление. Это небольшая работа. Она издана на русском, на английском, на других языках. Для меня этот автор является наиболее близким по духу, особенно когда мы говорим о первых принципах понимания человека.

Л.С.: Философской антропологии?

Н.О.: Да, он один из ее основоположников. На мой взгляд, это и есть самый первый, реальный основоположник философской антропологии. Макс Шелер более глубок по сравнению с другими авторами. Когда читаешь, иногда дух замирает – настолько приятна глубина его мысли.

Другой автор, который мне понравился, – Евгений Трубецкой. Глубина его мысли впечатляет. Когда читаешь, получаешь разные виды наслаждения: интеллектуальное, эстетическое, обыкновенное человеческое. Когда читаешь Евгения Трубецкого, ты наслаждаешься тем, что ты познакомился с этим человеком. Он тебе что-то говорит, а ты радуешься, что он тебе это говорит. Его мысли по-прежнему актуальны, интересны. Я понимаю, что его религиозная концепция смысла жизни для светского человека, может быть, не совсем понятна. Но его настроение, его

духовное возвышенное состояние безупречно. Может быть, у него не настолько классический стиль, как у Альбера Камю, но он очень удачно подбирает определения, слова для выражения своих мыслей. Этому нужно учиться.

Л.С.: А над чем Вы сейчас работаете? Вы продолжаете линию, начатую докторской диссертацией, или сменили тематику?

Н.О.: Спасибо за вопрос. Краткий ответ: да. Я назову два направления. Первое – продолжение попытки помыслить человека с точки зрения смысла жизни. По моему мнению, наше сущностное мышление должно, если человек заинтересован в понимании смысла своей жизни, ориентироваться на то, что собой представляет твоя собственная сущность, или божественный замысел. Если я услышал свой даймоний, я должен ориентироваться на то, что говорит этот даймоний. Вот Сократу он подсказывал, чего не надо делать. А нам даймоний может подсказывать и что не надо делать, и что надо делать. Я предлагаю термин «истина даймония», мы должны верить в свой внутренний голос, мы должны чутко его слышать и слушать, поскольку он нас не обманывает.

Давайте попробуем помыслить нашу внутреннюю сущность, и она нам подскажет смысл жизни. Это одна из работ, которую я сейчас выполняю, занимаясь подготовкой и статей, и монографии на эту тему.

Еще одно выражение в контексте смысла жизни мне понравилось у Гегеля. Этот фрагмент касается истории философии: «История философии по своему существенному содержанию имеет дело не с прошедшим, а с вечным и вполне наличным и должна быть сравниваема в своем результате не с галереей заблуждений человеческого духа, а скорее с пантеоном божественных образов»³. Как Вам нравится?

Л.С.: Великолепно.

Н.О.: Великолепно. Эта фраза просто прекрасна. Я хочу сказать, если человек услышал свой даймоний и действует по своей внутренней сущности или, как сказал бы религиозный человек, божественному замыслу, то может надеяться, что после себя он оставит «пантеон божественных образов». Если бы меня спросили о смысле человеческой жизни, я бы

ответил, что смысл человеческой жизни заключается в том, чтобы после себя оставить пантеон божественных образов.

Второе направление, которое кажется мне любопытным, опять-таки связано с диссертацией. Я называю это светской, или философской, теологией.

Существует много комментариев религиозных текстов. Например, притча о Иове. Великолепная вещь, у которой существует множество интерпретаций. Мое стремление построить метафизику религии исходит из того, что я хочу понять, что скрывается за этими образами.

В Библии о Боге сказано: «Я есмь Сущий». Так говорит Бог. Иначе говоря, о Боге в Библии говорится, что он есть Бытие. Бог есть Бытие. Что значит Бытие? Это сущность мироздания.

Давайте попробуем помыслить, что будет дальше. Альтернативой Бога является дьявол. Но альтернативой бытия является ничто. Следовательно, мы дьявола можем интерпретировать через понятие ничто. Это негация, дьявол все отрицает. Тотальная негация, исходящая от дьявола, есть тотальная негация, исходящая от ничто.

Другой пример от Хайдеггера. Он один из авторов, который мне также нравится. Иногда говорят, что у него очень сложный стиль. Согласен, но вместе с тем там очень хорошая глубина мысли. У него есть такая дефиниция: Ничто первичнее, чем «нет» и отрицание. Обратите внимание, я говорю «нет», что-то отрицаю, а, по Хайдеггеру, за этим стоит фундаментальное понятие Ничто. Есть понятие «Бытие», а есть понятие «Ничто». Давайте попробуем помыслить, что будет получаться, если мы попытаемся противопоставить понятия Бытия и Ничто, или Бога и дьявола. А в итоге получается, что Бог как Бытие есть добро, есть истина, есть любовь, красота. А дьявол есть безобразие, ложь, все отрицательное. Таким образом сравнивая, получается, что у дьявола есть отрицательные характеристики, а у Бога положительные.

Я попытался сделать первый шаг к тому, что Бог – это не выдумка, это не фейербаховская антропологическая экстраполяция человеческих качеств. Нет, это некоторый образ бытия, точнее, его сущности, а не просто ка-

ких-то материальных аспектов. Бог нематериален, но сущность тоже нематериальна. Сущность есть некое отношение, его нельзя увидеть, можно только помыслить.

Давайте подумаем, может быть, Библия нам подсказывает еще какую-то истину, которую философия со своим логическим разумом не всегда может заметить. Может, другая религия нам что-то подскажет. Иначе говоря, человечество имеет разные способы восприятия истины.

Л.С.: Спасибо. Николай Викторович, я бы хотела поговорить о проекте, который начался больше десяти лет назад, и до сих пор продолжается у нас на кафедре. Это философская школа «Логос», которую Вы в свое время инициировали. Когда этот проект начинался, каков был изначальный замысел «Философской школы “Логос”»?

Н.О.: Спасибо за этот вопрос. Он очень приятный и интересный. Почему? Тут есть два аспекта. Первый: мне казалось, что если я люблю философию, то почему другим это недоступно? Наверное, все так же должны любить философию или могут любить философию. Я хотел предложить, чтобы наша кафедра и наши философы рассказали о философии, поделились со всеми, кто придет: школьниками, людьми с производства, из других вузов. Философская школа замысливалась просто: приходи, и мы тебе расскажем о философии. Может быть, у кого-то появится свой непосредственный интерес к философии, и он к нам придет на философский факультет, независимо от возраста.

Второй аспект – это профориентация. Мы приглашали ребят послушать. Они приходили в университет, и все знали: здесь есть философский факультет. У меня до сих пор такое ощущение, что философская школа «Логос», когда встречаются в аудитории слушатели и преподаватели, делает чуточку лучше и преподавателей, и слушателей, поскольку все они присутствуют по доброй воле. Никто никого не заставляет. И в это время идет разговор о философии в каком-то аспекте, но все же о философии.

Само название «Философская школа “Логос”» утверждает философию в этом мире, когда о ней хотят вообще забыть, сказать, что это никому не нужно и т. д. Когда в царской

России отменяли философию, то один министр сказал, что от философии польза сомнительна, а вред очевиден. Так вот я сегодня пытался сказать о пользе философии, которая более очевидна.

Л.С.: Очевидно, Вы пользой философии и руководствовались, когда начали процесс организации философского образования в ВолГУ. Расскажите о том, как открывалась специальность «Философия» в ВолГУ. Насколько это было сложно? Или не очень?

Н.О.: Это было интересно. У меня было такое ощущение, что мы начинаем новую жизнь. Когда я говорил «давайте откроем философию», все делали большие глаза и говорили: «Ты где хочешь открывать, в Волгограде?» Аргументы против были разные, например; 1) здесь нет достаточной культуры, и ты никогда ничего не сделаешь; 2) где взять преподавателей?; 3) это будет никому не интересно, к тебе никто не придет на факультет.

Но я исходил и исхожу из посылки, что каждый человек есть философ и обладает сущностным мышлением. Если у него есть настроение и есть желание, то все будет нормально. Я не думаю, что сейчас такое настроение, как было тогда, в 90-е гг., но в 1992 г. я впервые озвучил эту идею: давайте создадим философский факультет у нас в университете. Я тогда ректору М.М. Загорулько написал следующую записку: «Предлагаем открыть на историческом факультете отделение философии, тем самым положить начало философскому факультету в ВолГУ. В одной из своих работ академик Дмитрий Лихачев, подчеркивая высокий уровень русской культуры, отмечал, что Русь до XIX в. явно отставала от западных стран в науке и философии в западном смысле этого слова. По его мнению, причина этого кроется в отсутствии на Руси университетов и вообще высшего школьного образования. Сегодня существует программа “Университеты России”. Думается, открытие философского факультета в ВолГУ соответствует целям и задачам данной программы. Ни в одном университете на Волге от Ярославля до Саратова нет философского факультета. Волгоградский университет располагает необходимым потенциалом, чтобы приступить к обучению студентов уже в сентябре 1992 года». Открыли в 1994 году.

Я написал это заявление, отдал служебную записку. Потом были организационные моменты, переговоры с министерством. Я не знаю, как они велись, но для нас было радостное удивление, «тихая радость», когда открыли философскую специальность. Мне кажется, это было правильное решение. Я и сейчас в этом уверен.

Когда что-то начинает двигаться, развиваться, там появляются внутренние импульсы, идет саморазвитие. Поэтому я надеюсь на то, что факультет будет саморазвиваться и импульсы будут исходить от коллег, от студентов, от аспирантов, магистрантов. Внутреннее развитие наиболее ценное. Исходя из внутреннего потенциала, человек понимает, что он может, когда это лучше сделать и т. д. В этом смысле я оптимист. Я надеюсь на то, что вновь открытая философская специальность будет прогрессировать благодаря потенциалу, который будет присутствовать и предлагать новые перспективы для развития.

Л.С.: В 2022 г. мы как раз пережили «тихую радость», когда после многих лет перерыва был возобновлен набор на теперь уже направление подготовки бакалавров «Философия». Что бы Вы могли пожелать нашим первокурсникам?

Н.О.: Я хочу сказать, что у меня оптимистическое настроение еще и потому, что на

факультете работают выпускники философского факультета. Например, Вы, другие коллеги. И в городе уже появились выпускники философского факультета. Это большое-большое достижение нашего образования, нашей идеи, наших усилий, которые мы прикладывали для этого.

Что касается пожелания: всегда оставаться верными философскому образованию, быть энтузиастами философского образования. У К.С. Станиславского есть такая фраза: любите искусство в себе, а не себя в искусстве. Перефразируя это выражение, я бы сказал, обращаясь к студентам: любите философию в себе, а не себя в философии.

Л.С.: Большое спасибо за пожелание и за интересную беседу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вестник Российского философского общества. 2007. № 3.

² The Human Being in Contemporary Philosophical Conceptions / ed. by N. Omelchenko. Newcastle upon Tyne, UK: Cambridge Scholars Publishing, 2009. 355 p. URL: <https://www.cambridgescholars.com/product/978-1-4438-0143-0>

³ Гегель. Энциклопедия философских наук. В 3 т. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. С. 219.

Information About the Authors

Nikolai V. Omelchenko, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Fulbright Scholar-in-Residence (Mansfield University, Mansfield, PA, USA, 2001–2002), Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (2006), Volgograd, Russian Federation, nomelchenko1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2620-5381>

Lyubov S. Solovieva, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, solovieva_ls@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2436-5616>

Информация об авторах

Николай Викторович Омельченко, доктор философских наук, профессор, фулбрайтовский стипендиат (Mansfield University, PA, USA, 2001–2002), Почетный работник высшего профессионального образования РФ (2006), г. Волгоград, Российская Федерация, nomelchenko1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2620-5381>

Любовь Сергеевна Соловьева, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, solovieva_ls@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2436-5616>